ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВАТИЯ

УДК 327

М. М. Лебедева

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВОЗМОЖНЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОБЩЕМИРОВОЙ НАУКИ

В статье обсуждаются причины усиления интереса в мире к теоретическим вопросам исследования международных отношений (МО). Рассматривается развитие национальных школ, в частности российской школы МО. Показывается, что российская школа МО могла бы внести свой вклад в общемировую науку, по крайней мере, по трем направлениям: 1) направление, связанное с российскими научными традициями, выходящими за рамки МО и тем самым открывающие новые области исследований МО; 2) дальнейшее развитие теоретических представлений, возникших за рубежом; 3) направление, обусловленное организационными и институциональными моментами развития исследований в России. Библиогр. 42 назв.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, теория международных отношений, национальные школы теории международных отношений, российская школа теории международных отношений.

M. M. Lebedeva

RUSSIAN INTERNATIONAL STUDIES: POSSIBLE CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF WORLD SCIENCE

The article discusses the reasons for the increasing interest in studying theoretical issues of international relations (IR). The development of national schools, in particular the Russian international relation school, is considered. It is shown that the Russian international relation school could contribute to world science at least in three directions: 1) direction related to Russian scientific traditions that go beyond international relation and as a result open new areas for research; 2) further development of theoretical concepts that have arisen abroad; 3) direction due to the organizational and institutional aspects of international relation research in Russia. Refs 42.

Keywords: international relations, world politics, theory of international relations, national schools of IR, Russian school of IR.

Проблема теоретического осмысления международных отношений привлекает все больше внимания. Это относится как к зарубежным исследованиям, так и к отечественным. Ставятся вопросы о национальных школах международных

Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО — университет), Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; mmlebedeva@gmail.com

Lebedeva Marina M. —Doctor of Political Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 76, Pr. Vernadskogo, Moscow , 119454, Russian Federation; mmlebedeva@gmail.com

6-2-2015.indd 83 25.06.2015 16:46:07

отношений[1], соотношении мировой политики и международных отношений (этот аспект обсуждается, главным образом, в исследованиях российских авторов [5], хотя и не только), говорят о кризисе дисциплины [6; 7]. Прежде всего, возникает вопрос, чем обусловлен такой интерес к теоретическим проблемам именно сегодня?

Обычно существуют по крайней мере две ключевые причины обращения к теории. Первая связана с кардинальным изменением международно-политических реалий и как результат — попыткой их осмысления. Например, в свое время активизация негосударственных акторов побудила исследователей к созданию и развитию теоретических подходов, обусловленных транснациональными отношениями. Вторая причина определяется развитием самой науки. Так, появление и внедрение математических и других количественных методов породили второй большой диспут в теории международных отношений (ТМО), получивший название диспута между традиционалистами и модернистами.

Сегодня интерес к теории определяется прежде всего тем, что современная международно-политическая реальность, похоже, плохо вписывается в имеющиеся теоретические схемы. С одной стороны, обнаружилось, что транснациональные отношения, которые так бурно развивались со второй половины XX в., порождая взаимозависимость, могут «прерываться». И это с особой очевидностью было продемонстрировано санкциями в 2014 г. Несмотря на взаимозависимость, транснационализм, как кажется (хотя, по всей видимости, только на первый взгляд), плохо выдерживает проверку практикой XXI в. С другой стороны, неореалистские концепции также оказываются ограниченными, что порождает призывы к возврату реализма в его неоклассической трактовке. Наконец, неомарксизм в последнее время также не дал новых интересных и значимых направлений исследований. В итоге современная мирополитическая реальность оказалась сложной для существующих классических теорий: ни одна из них не может ее объяснить. Обращение к постмодернистским подходам с их отсутствием целостного и рационального понимания международных отношений и мировой политики также не вызывает особого энтузиазма.

Тем временем трансформация международно-политической реальности идет по двум направлениям. Во-первых, относительно недавно (в историческом смысле) произошел распад биполярной системы, и многие наблюдаемые явления в международной сфере обусловлены именно этим процессом. К тому же за более чем 20-летний период система международных (межгосударственных) отношений (СМО) так и не оформилась: конфигурации межгосударственных отношений оказываются весьма сложными и зачастую подвижными. Правда, не исключено, что подобная подвижность и является одной из характеристик современной системы международных отношений. Но для проверки данной гипотезы требуется время.

Во-вторых, продолжается трансформация Вестфальской системы. Проблемы суверенитета, прозрачности границ, международного права определяют современную международную повестку дня.

Наложение обеих трансформаций (СМО и Вестфальской системы) друг на друга затрудняет анализ политической картины мира. Вестфальская система и созданные на ее основе в различные исторические периоды системы международных

[1] Работ по проблемам национальных школ международных отношений довольно много. См., напр.: [1–4].

6-2-2015.indd 84 25.06.2015 16:46:07

отношений (в том числе и биполярная) по своему происхождению были западными. Кардинальные изменения обеих систем (западных!), их эрозии порождают ощущение того, что западная теоретическая мысль в области международных отношений исчерпала себя и надо искать идеи где-то за пределами США и Европы, обратившись к опыту других культур[2]. Наиболее четко эти сомнения относительно западной теоретической мысли в области международных отношений сформулированы в названии книги под редакцией А. Ачарья и Б. Бузана «Незападные теории международных отношений» [9].

Насколько подобные представления о возможных «незападных» прорывах в ТМО могут быть реализованы — отдельный вопрос. Но сомнения в перспективах западных мирополитических моделей (что, впрочем, еще не означает их действительный закат или признание их пути тупиковым) заставляют действительно обращаться к опыту других культур.

Тем не менее доминирование западной мысли в ТМО сложно отрицать. Оно хорошо прослеживается, как показали А. Ачарья и Б. Бузан, во всех распространенных теоретических школах международных отношений [4]. Отвечая на вопрос, почему нет незападных теорий международных отношений, А. Ачарья и Б. Бузан в заключительной статье редактируемой ими книги выдвигают пять гипотез:

«1) западные теоретические подходы нашли верные пути понимания международных отношений;

2) западные теории приобрели гегемонистский статус (в понимании этого термина Грамши);

3) незападные теории существуют, но они пока не стали общим достоянием;

4) местные условия не способствуют появлению теоретических исследований в области международных отношений;

5) Запад оказался в значительной степени в опережающем развитии, в том числе и в плане теоретического осмысления международных отношений и мировой политики. Другим приходится его догонять» [10, p. 221].

Рассуждая над поставленным вопросом и сформулированными гипотезами, представляется, что вряд ли стоит изолировать исследования в области международных отношений от других научных областей. Ведь западные подходы доминируют и во многих других областях мировой науки, включая естественные дисциплины. Поэтому отсылка к ценностной ориентации международных исследований, по крайней мере, имеет существенные ограничения, а часто цитируемый тезис Р. Кокса о том, что любая теория международных отношений существует для кого-то и для чего-то [11, p. 87], является все же преувеличением. Вообще, если бы какая-либо научная дисциплина определялась исключительно ценностными установками, то в этом случае мы вряд ли могли бы говорить о науке.

Распространение западных теоретических подходов, во-первых, в значительной степени обусловлено интенсивным развитием науки в этих странах на протяжении последних веков. В другие исторические эпохи на переднем плане были научные открытия Китая, Ближнего Востока, Центральной Азии и т.д. Во-вторых, европоцентризм, в котором упрекают международные исследования А. Ачарья и Б. Бузан,

[2] Обзор значительного числа работ, в которых авторы обращаются к национальным школам, приводит А. П. Цыганков [8].

6-2-2015.indd 85 25.06.2015 16:46:07

а также многие другие авторы, обусловлен как раз объективными реалиями, о которых шла речь выше — а именно распространением в современном мире европейских (или западных) моделей международно-политической организации мира (Вестфальской модели) и различных моделей межгосударственных отношений на ее основе.

Может ли российская наука дать импульс для прорыва общемировых теоретических исследований в области международных отношений или, по крайней мере, внести свой вклад в развитие ТМО? В целом ряде работ отечественных авторов красной нитью проходит мысль о том, что российские международные исследования слишком долго остаются на этапе освоения зарубежного опыта, поскольку данная дисциплина относительно новая в России. Действительно, международные отношения — новая дисциплина в отечественной науке и высшей школе. Фактически только после 1991 г. исследования и преподавание международных отношений вышли за пределы Москвы и распространились по всей стране: от Калининграда до Владивостока. Однако представляется, что во многом как раз в силу новизны российские исследователи в области международных отношений и мировой политики активно включились (правда, нельзя сказать, что в массовом масштабе) в обсуждение теоретических проблем. Важным моментом этой активности стало именно то, что новая дисциплина, естественно, привлекла к себе особое внимание. Освоение же опыта других — это постоянный процесс, который вообще не предполагает завершения.

В середине прошлого десятилетия на страницах журналов «Полис», «Международные процессы» прошли дискуссии относительно предметных областей международных отношений, мировой политики, сравнительной политологии [12–14]. В последующие годы появился ряд новых публикаций (см., напр.: [5; 15]). При всем различии подходов четко прослеживается одно: политическая составляющая в международных исследованиях является центральной.

Интересно, что 45 лет назад журнал «Мировая экономика и международные отношения» также провел дискуссию о теоретических вопросах международных отношений, выделив междисциплинарность в качестве важнейшего аспекта обсуждения [16]. Введение принципа междисциплинарности в международные исследования тогда, несомненно, было положительным моментом. Он дал возможность учитывать влияние различных факторов на международную среду, в том числе и тем, кто занят практической работой. Кроме того, междисциплинарность оправдана и необходима при подготовке специалистов в области международных отношений. Но основное внимание и международных отношений, и мировой политики (независимо от того, как они определяются) сосредоточено все же на политике. Вместе с тем идеи, получившие развитие в других науках, могут быть очень полезны для международных исследований именно в силу того, что сама по себе международная среда, а соответственно и политика, в которой она реализовывается, междисциплинарны.

Говоря о возможных направлениях развития отечественных исследований в области международных отношений и мировой политики, способных внести вклад в общемировую науку, следует выделить, по крайней мере, три из них. Во-первых, это направление, связанное с российскими научными традициями (не только в области международных отношений, а значительно шире), особенностями стратегической культуры[3] и т. п., которые можно использовать в международных исследованиях

[3] Подробнее о стратегической культуре см., в частности: [17; 18].

6-2-2015.indd 86 25.06.2015 16:46:07

и тем самым создавать новые мировые области изучения. Во-вторых — направление по дальнейшему развитию теоретических представлений, возникших за рубежом, их интеграции в более широкие рамки, обогащение зарубежных подходов российскими традициями, или, напротив, критикой и корректировкой зарубежных подходов, исходя из иных исторических, политических и т. п. реалий. Наконец, в-третьих — направление, обусловленное организационными и институциональными моментами развития международных исследований в России, которые способны повлиять на общемировое развитие международных отношений и мировой политики.

Рассматривая **первое направление**, необходимо отметить, что, разумеется, нереально даже сколь-нибудь приблизительно перечислить достижения различных областей отечественной науки, которые могли бы быть использованы в международных исследованиях. Приведем лишь некоторые примеры того, как идеи, появившиеся и получившие развитие в других, казалось бы, далеких от теории международных отношений областях российской науки, могут быть ею восприняты.

Один из примеров относится к возможностям использования достижений отечественной психологии. При изучении психического развития ребенка выдающийся отечественный психолог Л.С. Выготский выдвинул идею о «зоне ближайшего развития». Ее суть заключается в том, что взрослый может направлять и тем самым управлять психическим развитием ребенка, ориентируясь на «зоны ближайшего развития». «Зона ближайшего развития» — это то, что ребенок сам еще делать не может, но может с помощью взрослого (ходить, пользоваться ложкой и т. п.) [19]. Иными словами, повлиять на развитие можно только постепенно выстраивая из таких точек желаемую траекторию.

Применительно к международным отношениям и мировой политике зона ближайшего развития (здесь было бы точнее говорить о «зоне ближайших изменений») может характеризовать то, как действия того или иного актора «подтягивают» структуры и/или направляют деятельность других акторов в определенном направлении. В качестве структур могут выступать нормы, правила поведения, а также материальная сфера экономики, вооружений и т. п. Усредненная совокупность измененных структур в результате деятельности различных акторов формирует «коридор» для новой деятельности и т. д. Накопленные изменения ведут к ломке прежних и формированию принципиально новых структур. Причем сам процесс влияния на структуры или других акторов может осознаваться лучше или хуже. По этой причине изменения нередко воспринимаются как «неожиданные» или «внезапные».

В принципе предложенная идея «зоны ближайших изменений» хорошо соотносится с тем, что в последнее время все в большей степени утверждается в теоретических исследованиях, прежде всего конструктивистов, а именно: акторы и факторы являются не противостоящими, как предполагалось ранее, а дополняющими друг друга категориями [20].

Сама же идея зоны ближайших изменений позволяет представить механизм политического развития. И в этом смысле она близка к тому, что С. Стрэндж описала как структурную мощь. Она понимала под этим термином способность актора создавать нормы и правила, по которым действуют остальные участники. Обладание структурной мощью позволяет косвенно воздействовать на внешний мир [21].

Другой пример связан с пониманием диалога М. М. Бахтиным. Понятие «диалог» является одним из наиболее распространенных в международных отношениях

6-2-2015.indd 87 25.06.2015 16:46:07

и мировой политике. Однако нередко оно используется для обозначения обмена информацией, заявления позиций, встреч представителей и т. п. Подобный «диалог» порой не только не ведет к взаимопониманию, но иногда обостряет конфликт. Принципиально иное понимание диалога содержится в работах М. М. Бахтина. Для него диалог выступает прежде всего как взаимовлияние и взаимоизменения участников. М. М. Бахтин пишет: «Утвердить чужое “я” не как объект, а как другой субъект — таков принцип мировоззрения Достоевского» [22, с. 11]. Применительно к международным отношениям и мировой политике диалог по своей сути является противоположностью различных манипулятивных технологий. Он не может быть односторонним, он всегда имеет «двухстороннее движение». Диалог требует времени и знаний своей, а также другой культуры. А его результат — изменение обоих субъектов.

Удивительно, но на этот факт мало кто обращает внимание в международных исследованиях. Даже те авторы, которые подчеркивают необходимость не только силового взаимодействия на международной арене, исходят из того, что воздействие является односторонним. Так, Дж. Най, разрабатывая концепцию «мягкой силы», полагает очень важным наличие способности «побудить других желать того же, чего хочешь сам» [23, p. 8]. Это, согласно Дж. Наю, непрямой метод реализации власти.

Концепция «мягкой силы» была взята на вооружение, хотя и не сразу, а спустя некоторое время, при формировании американской внешней политики в отношении мусульманских стран после трагических событий 11 сентября 2001 г. Казалось бы, «мягкая сила» направлена на «завоевание» как раз умеренных представителей мусульманского мира в совместной борьбе с терроризмом. Однако главным недостатком данной концепции (в отношении которой было высказано много критики, справедливой и не совсем) было именно то, что противоположная сторона рассматривалась как просто воспринимающая предлагаемую информацию. В этой логике главной задачей становится как можно лучше преподнести необходимую информацию, сделать ее привлекательной. То, как меняются оба субъекта в ходе диалога, остается вне поля исследовательского внимания.

На самом деле все гораздо сложнее. Человек, проживающий, например, в арабской стране, не является неким «плацдармом», за который борются разные силы (в данном случае, условно говоря, террористические организации, с одной стороны, и официальные представители США — с другой). Человек всегда активен, поэтому важно не столько воздействие на него, сколько взаимодействие с ним (подробнее см.: [24]). Это очень хорошо показал Е. М. Примаков, сделав упор именно на диалог с мусульманским миром, разумеется, с теми его представителями, которые придерживаются умеренных позиций и которых, кстати, большинство. Причем Е. М. Примаков подчеркивает, что «даже в периоды кровавых столкновений между Западом и мусульманским миром две цивилизации влияли друг на друга» [25, с. 91].

Все эти идеи и представления могли бы лечь в основу развития теоретических представлений о глобальном управлении. В целом сегодня на повестке дня стоит вопрос о «переформатировании» процессов глобального управления в соответствии с теми кардинальными изменениями, которые происходят в мире. Речь идет о том, чтобы, не разрушая имеющихся структур глобального управления, выстроить новые, используя методы многоуровневой дипломатии, сетевой дипломатии, а также различные переговорные формы (например, создание и развитие различных

6-2-2015.indd 88 25.06.2015 16:46:07

дискуссионных площадок). Проблема действительно очень острая, вышедшая из академической среды на политический уровень, что было четко продемонстрировано в речи В. В. Путина в Сочи на Международном дискуссионном форуме «Валдай» в октябре 2014 г. [26].

Второе направление, связанное с развитием зарубежных теоретических исследований отечественными авторами, в определенной степени получило распространение в России. Так, в советский период В. И. Гантман и его коллеги впервые обратились к анализу того, что делается за рубежом в плане теоретических исследований в области международных отношений [27]. В конце 1990-х годов большой вклад в представление российскому читателю зарубежных теорий международных отношений внес П. А. Цыганков. Его книга «Международные отношения», отражающая основные существующие в мире теории [28], стала первым российским учебником по ТМО.

Российская наука, с учетом отечественных исторических и диалектических традиций, а также представлений в области системного подхода, могла бы внести значительный вклад в развитие ТМО. Один из примеров — хорошо известная концепция С. Хантингтона о волнах демократизации, когда за волной демократических преобразований в ряде стран следует волна «отката», или реверсивная волна. С. Хантингтон видит демократизацию как глобальный политический процесс, о чем он говорит в первом же абзаце своей книги [29]. В дальнейшем концепция волн демократизации подробно обсуждалась в российской науке и получила развитие в политологии (см., напр., [30]).

Одновременно в отечественной политологии В. И. Пантин и В. В. Лапкин успешно разрабатывали проблематику волн политической модернизации в России [31]. Авторы показали, что политическое развитие России идет волнообразно.

В других научных областях — истории, экономике, психологии — также отмечаются циклы развития. С учетом этих данных можно выдвинуть гипотезу о том, что демократизация — не единственный глобальный процесс, подверженный цикличным изменениям. Например, представляется, что интеграционные процессы также следуют подобной логике развития и вслед за интеграционной волной идет волна дезинтеграции. Интеграционные процессы являются региональными, и здесь, конечно, следует рассматривать, как интеграция/дезинтеграция в одном регионе влияет на процессы в других регионах. Но если говорить о мире в целом, то, несмотря на цикличность и волны, прослеживается интеграционный мегатренд. Однако пока данный тезис можно рассматривать лишь в качестве гипотезы, требующей доказательства.

Аналогичная логика рассуждений может быть выстроена в отношении процесса глобализации, понимаемой как развитие транснациональных отношений, и противоположного мегатренда — процессов изоляционизма. По всей видимости, здесь также можно выявить волнообразный характер развития. Интересным может стать и анализ «наложения» волн демократизации, интеграции, глобализации друг на друга с целью выявления их взаимовлияния.

Вторым примером возможного развития представлений, зародившихся за рубежом, может служить идея «мягкой силы» Дж. Ная. Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» предполагает привлекательность для других тех или иных положений, явлений, образов действий и т. п. В данном подходе привлекательность противопоставляется

6-2-2015.indd 89 25.06.2015 16:46:07

методам принуждения и насильственного подчинения. Подразумевается, что привлекательность должна быть не только чисто внешняя (в этом случае не будет различий между ней и пропагандой), а по существу.

Первоначально идеи Дж. Ная в России восприняли крайне негативно. Однако позднее «мягкая сила» не только стала одной из наиболее обсуждаемых идей применительно к различным сферам (образованию, деятельности СМИ и т. п.), но и была взята на вооружение практиками. Правда, при этом начал исчезать основной атрибут «мягкой силы» Дж. Ная — привлекательность. В результате такого «развития» концепции «мягкая сила» зачастую превращается в обычную пропаганду.

В то же время действительное развитие идей Дж. Ная возможно по нескольким параметрам. Один из них упоминался выше, когда речь шла о диалоге. Другой параметр — рассмотрение «мягкой силы» в ряду других ресурсов влияния на мировой арене, причем не только в дихотомии «мягкая сила» — «жесткая сила», а значительно шире, включая различные виды военно-политического, политико-экономического и социально-гуманитарного ресурсов (подробнее см.: [32]).

Наконец, еще одним параметром для дальнейших исследований может стать анализ того, как различные виды ресурсов развиваются. Так, до второй половины XX в. ведущим ресурсом была военно-политическая мощь. Позднее к нему присоединяется экономическое развитие, а с конца XX в. все более значимым ресурсом становится социально-гуманитарное развитие, в том числе образование. Становится все более очевидным, что человеку недостаточно лишь материального обеспечения. Ему требуются самореализация и развитие. Эти постулаты, хорошо известные в рамках, например, психологии, не получили должного развития в международных исследованиях. В то же время именно в силу важности социально-гуманитарного ресурса в современном мире столь популярной оказалась концепция «мягкой силы» Дж. Ная.

Развитие идей, предложенных западными исследователями, разумеется, не исключает их критического анализа. Так, в российских исследованиях все чаще используются понятия «регионализация», «новый регионализм», появившиеся в зарубежной литературе (см.: [33]) как противоположные процессу глобализации. При всей продуктивности развития представлений о регионализации, вряд ли стоит напрямую противопоставлять ее глобализации. Независимо от того, как определяется глобализация тем или иным автором, этот процесс не связан с заключением межгосударственных соглашений, в то время как регионализация предполагает такие договоры. В любом случае необходимо осмысление данных процессов.

Третье направление, в рамках которого российская наука в области международных отношений и мировой политики может внести свой вклад в развитие мировой науки, связано с организационными особенностями формирования отечественных исследований. Правда, здесь есть как те особенности, что способствуют этому, так и те, что, напротив, оказывают негативное влияние.

Международные отношения в качестве научной дисциплины институционально оформились, как известно, в Великобритании после Первой мировой войны. Тогда в качестве основной задачи международных исследований было выдвинуто выявление причин войн с целью их предотвращения [34]. В дальнейшем произошло расширение проблематики международных исследований, но в фокусе внимания оставались межгосударственные отношения.

6-2-2015.indd 90 25.06.2015 16:46:07

Политологи же традиционно сосредотачивались на исследовании политических систем государств. В принципе такая государствоцентристская ориентация была характерна для всех социальных наук [35]. Как следствие разделения предметных областей, политология и исследования в области международных отношений стали развиваться параллельно. Несколько ближе к международным отношениям (точнее, к регионоведению) оказалась сравнительная политология (подробнее см.: [12]). Однако сложности взаимодействия двух дисциплин были обусловлены различиями в понятийном аппарате, методами исследования и т. п.

Все это сказалось на институциональном развитии обеих научных дисциплин: создании параллельных научных ассоциаций, появлении у каждой из них «своих» журналов и конференций. Во второй половине XX столетия начинает наблюдаться некоторое сближение дисциплин благодаря ряду исследований. Так, Г. Аллисон на примере анализа Карибского кризиса показал, что внешняя политика государства зависит от групп влияния внутри государства, в результате взаимодействия которых вырабатывается некоторый компромиссный вариант [36]. В свою очередь, Р. Патнэм предложил рассматривать межгосударственные переговоры как двойное взаимодействие: с одной стороны, между государствами, ведущими переговоры, с другой — внутри каждого государства по выработке позиции [37].

Позднее подобных работ стало появляться все больше. Постепенно произошло некоторое сближение дисциплин, однако политология и исследования международных отношений продолжают оставаться «соседями», мало пересекаясь друг с другом, хотя и сосуществуют часто на одном факультете. При этом конкретных работ, которые выполнены на пересечении внутри- и внешнеполитической проблематики, множество.

В конце XX столетия стали раздаваться голоса в поддержку создания единой политической науки. С этой идеей в конце 1990-х годов выступили Е. Милнер [38] и особенно интенсивно — С. Вернер и Б. де Москито [39]. Поднималась эта проблема и в отечественных публикациях [12; 40–42].

Единая политическая наука предполагает по крайней мере три существенных момента. Во-первых, в фокусе исследований единой науки должна находиться политика. Многие авторы согласны с этим. Но есть и те, кто отстаивает точку зрения междисциплинарности международных исследований, подчеркивая важность экономики, права, культуры для понимания международных отношений. В России исследователей, отстаивающих точку зрения междисциплинарности, довольно много. Их мнение и позицию необходимо принимать во внимание и учитывать в конкретных исследованиях. Однако очевидно, что предметная область любой дисциплины не может быть междисциплинарной, междисциплинарными могут быть конкретные исследования. В противном случае наука «распадается».

Во-вторых, если вести речь о создании единой политической науки, то необходимо решить вопрос о том, как глобальный, региональный, национальный, локальный уровни связаны между собой. При рассмотрении глобального уровня как совокупности национальных, а также других уровней, теряется его специфика. Признание же глобального уровня в качестве определяющего другие вызывает отторжение у большинства политологов. Сомнительным данное утверждение выглядит и для многих исследователей международных отношений, особенно тех, кто придерживается реалистских взглядов. В мире в целом эти взгляды доминируют, однако

6-2-2015.indd 91 25.06.2015 16:46:07

в России это доминирование проявляется, пожалуй, особенно сильно. И с этой точки зрения возможный вклад России в создание единой научный дисциплины ограничен.

Впрочем, здесь возможен поиск путей решения. Один из подходов построения единой политической науки — обратиться к идее уровней политического анализа, выявив, какие акторы, за счет каких ресурсов и как действуют на каждом из уровней, а также рассмотрев устанавливаемые межуровневые связи. Сложным, но одновременно и многообещающим в научном плане будет изучение того, как локальные акторы выходят на глобальный уровень. Пока существуют лишь отдельные эмпирические исследования по данной проблематике, в частности по так называемым негосударственным акторам, использующим насилие (violent non-state actors), — террористическим сетям, наркобизесу и т. п. Обобщающих теоретических исследований в этой области практически нет.

Наконец, в-третьих, формирование единой дисциплины, объединяющей все политические исследования, упирается в вопросы организационного характера. И вот здесь российские исследователи могут, пожалуй, иметь некоторые преимущества.

В мире в целом параллельное развитие международных исследований и политологии привело к формированию определенных организационных структур, которые включают журналы, организацию конференций, ассоциации, источники финансирования и т. п. Все это также развивалось во многом параллельно международным исследованиям и политологии.

Иное положение дел сложилось в отечественной науке. В отличие от западной науки международные отношения в России оказались «старше» политологии с точки зрения институциализации научной дисциплины. В Советском Союзе существовали институты Академии наук, занимающиеся изучением международных отношений. Подобного не было в советский период в области политологии. Отечественная политология фактически формируется с конца 1980-х — начала 1990-х годов с появлением первых отечественных политологических кафедр, профессионального журнала, ассоциаций, конференций. Хотя, конечно, и ранее выпускались отдельные работы, имеющие политологическую направленность; существовала Советская ассоциация политических наук, а в 1979 г. в Москве даже прошел XI Конгресс Международной ассоциации политических наук.

Политическая составляющая международных отношений в советский период изучалась в основном историками. Интересно, что несмотря на господство марксистско-ленинской идеологии, исследования в области международных отношений развивались главным образом как своеобразный симбиоз марксизма-ленинизма и реализма. Этот симбиоз двух парадигм был весьма противоречивым: с одной стороны, во главу угла ставились национальные интересы, с другой — требование пролетарского интернационализма. Данное противоречие прослеживается и в международной практике, и в международных исследованиях советского периода. В то же время по мере укрепления СССР в качестве сверхдержавы усиливается и реалистская ориентация в исследованиях международных отношений, оставляя марксизму-ленинизму все больше область риторики (подробнее см.: [14]).

Относительная небольшая степень институциализации политологии по сравнению с западной наукой (меньшее число журналов, членов ассоциации, конференций

6-2-2015.indd 92 25.06.2015 16:46:07

и т.п.), а также недавнее развитие исследований и преподавания международных отношений в масштабе всей страны могут способствовать объединению международных и политологических исследований в единую политическую науку, причем не по формальным признакам, а именно в концептуальном плане.

Похоже, что именно небольшие масштабы и относительно слабая степень институциализации позволили отечественным исследователям довольно легко открыть дискуссию о понимании того, что собой представляет мировая политика, сначала на страницах журнала «Международные процессы», а затем и «Полиса». Однако выстроить предметное поле политической науки, которая объединила бы исследования субнационального, национального и наднационального уровней политики, вряд ли по силам национальной науке. С этой задачей можно справиться лишь совместными усилиями исследователей из разных стран.

В практическом плане первыми шагами на пути создания единой политической науки может стать единое образовательное «ядро» для политологов и специалистов в области международных отношений. Европейское пространство высшего образования, созданное на основе Болонского процесса, дает хорошую основу для этого и открывает возможность определения того минимума знаний, который должен освоить человек для получения диплома в соответствующих областях. Представляется, что на уровне бакалавра этот минимум должен быть в значительной степени общим для политологов и специалистов в области международных отношений и составлять блок социально-экономических, правовых и исторических дисциплин. Но необходимо подчеркнуть, что международные исследования при этом не могут и не должны стать частью политологии. Скорее, мы можем ожидать выхода на новый, глобальный уровень осмысления в политической науке.

Независимо от того, как в дальнейшем будут развиваться политология и международные отношения, задачу сближения обеих дисциплин необходимо ставить и постепенно продвигаться к ее решению, прежде всего в плане диалога двух дисциплин, несмотря на все возникающие сложности. В противном случае и политологам, и специалистам в области международных отношений придется не раз оказываться в ситуации, подобной той, которая сложилась на рубеже 1980–1990-х годов, когда распад Советского Союза и биполярной системы оказался полной неожиданностью для всех. И те, и другие специалисты, занимаясь «своими» проблемами, в итоге не увидели тренды мирополитического развития.

Литература

1. *Porter T.* Can There Still Be National Perspectives on International Relations? // International Relations — Still an American Social Science: Towards Diversity in International Thought / ed. by R. M. A. Crawford and D. S. L. Jarvis. Albany (NY): State University of New York Press. 2001. P. 131–147.

2. *Lebedeva M. M.* International Relations Studies in the USSR/Russia: Is there a Russian National School of IR Studies // Global Society. 2004. Vol. 18, N 3. July. P. 263–278.

3. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М: Пер Се, 2005. 416 с.

4. *Acharya A., Buzan B.* Why is There no non-Western International Relations Theory? // Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / ed. by A. Acharya and B. Buzan. New York: Routledge, 2010. P. 1–25.

5. *Цыганков П.* Международные отношения и мировая политика: консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. 2013. № 3–4 (34–35). С. 7–20. URL: http://www.intertrends.ru/anniversary%20issue/Tsygankov.pdf (дата обращения: 01.02.2015).

6-2-2015.indd 93 25.06.2015 16:46:07

6. *Конышев В. Н., Сергунин А. А.* Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. 2013. № 3. С. 66–78.

7. *Tsygankov A., Tsygankov P.* Russian IR Theory: The Crisis of a Globally-Pluralist Discipline // European Review of International Studies. 2014. Vol. 1, N 2. P. 92–106.

8. *Цыганков А. П.* Российская теория международных отношений: какой ей быть // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65–81.

9. Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. 256 p.

10. *Acharya A., Buzan B.* Conclusion: On the Possibility of a non-Western International Relations Theory // Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. P. 221–237.

11. *Cox R.* Social Forces, States and World Order Beyond International Relations Theory // Approaches to World Order / ed. by R. Cox and T. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 85–123.

12. *Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. № 4. С. 130–140.

13. *Богатуров А. Д.* Понятие мировой политике в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 1. Январь — апрель. С. 16–33.

14. *Лебедева М.* Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 2 (5). Май — август. С. 84–96. URL: http://www.intertrends.ru/five/008.htm (дата обращения: 01.02.2015).

15. *Makarychev A., Morozov.* Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // International Studies Review. 2013. Vol. 15, N 3. P. 328–350.

16. Проблемы теории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 9. С. 88–106; № 10. С. 78–99.

17. *Алексеева Т. А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. № 5. С. 130–147.

18. *Рыхтик М. И.* Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Международные отношения, политология, регионоведение. 2003. № 1. С. 203–219.

19. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.

20. *Цыганков П. А.* Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // «Приватизация» мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Голден Би, 2008. С. 30–53.

21. *Strange S.* Toward a Theory of Transnational Empire // E.-O. Czempiel, J. N. Rosenau (eds.) Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's. Lexington: Lexington Books, 1989. P. 45–65.

22. *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

23. *Nye J.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2002. 240 p.

24. *Лебедева М. М.* Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 31–39.

25. *Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009. 239 с.

26. *Путин В.* Речь на Международном дискуссионном форуме «Валдай» 24 октября 2014 г. URL: http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html (дата обращения: 01.02.2015).

27. Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ / под ред. Гантмана В. И. М.: Международные отношения, 1976. 486 с.

28. *Цыганков П. А.* Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. 320 с.

29. *Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman; London: University of Oklahoma Press, 1991.

30. *Мельвиль А. Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38.

31. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Волны политической модернизации в истории России / Полис. 1998. № 2. С. 39–51.

32. *Лебедева М. М.* Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.

33. *Hettne B.* Globalisation and the New Regionalism: the Second Great Transformation // Hettne B., Inotai A. and Sunkel O. (eds.). Globalism and the New Regionalism. London: Macmillan, 1999. P. 3–24.

6-2-2015.indd 94 25.06.2015 16:46:07

34. *Грум Дж*. Растущее многообразие международных акторов // Международные отношения: социологические подходы / под ред. проф. П. А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 222–239.

35. *Фергюсон Й*. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения социологические подходы / под ред. проф. П. А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 195–221.

36. *Allison G*. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston: Little& Brown, 1971.

37. *Putnam R*. Diplomacy and Domestic Policy: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42, N 3. Summer. P. 427–460.

38. *Milner H. V*. Rationalizing Politics: The Emerging Synthesis of International, American, and Comparative Politics // International Organization. 1998. Vol. 52, N 4. P. 759–786.

39. *Werner S., de Mosquita B*. Desolving Boundaries: Introduction // International Studies Review. 2003 Vol. 5, N 4. Dec. P. 1–8.

40. *Лебедева М. М*. Проблемы развития мировой политики // Полис. 2004. № 5. С. 106–113.

41. *Мельвиль А. Ю*. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. № 5. С. 114–119.

42. *Ильин М. В*. Слуга двух господ // Полис. 2004. № 5. С. 120–130.

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2015 г.

6-2-2015.indd 95 25.06.2015 16:46:08